

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА СУМНИКОВА

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКИХ МЕСТОИМЕНИЙ¹

1. О ФОРМЕ ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА МЕСТОИМЕНЕНИЯ 2 ЛИЦА *ВА*

Бытование формы ИП *ва* ‘вы двое’ в языке восточных славян отрицается в литературе с различной степенью категоричности.

В учебных пособиях по истории русского языка о ней вообще не упоминается. Лишь А. И. Соболевский поместил ее в таблице форм со знаком вопроса (?) (Соболевский 1907, 297).

С. Самойленко утверждал, что форма ИП местоимения 2 л. дв. ч. *ва* в древнерусском и староукраинском языках не употреблялась, а “последовно замінюється формою наз. відм. множини *вы*” (Історія 1978, 131). Отрицает ее для древнерусского языка и О. М. Жолобов (Жолобов 2002, 22; Жолобов, Крысько 2001, 72). Осторожнее высказался А. А. Зализняк: “На восточнославянской территории словоформа *ва* в данной функции, насколько можно судить, не отмечена” (Зализняк 1995, 114).

Пересмотреть это устоявшееся мнение позволяет, на наш взгляд, приводимый ниже не известный в литературе материал.

Форма ИП дв. ч. *ва* употреблена в Изборнике 1073 г. на л. 187а, в переводном тексте Ответов Анастасия Синаита – *аште бо дѣва ва съвѣшитаюта*.

Единственный пример из переводного текста, казалось бы, можно отнести на счет протографа, Сборника болгарского царя Симеона, с которого был сделан список для киевского князя Святослава в 1073 году, если бы не эта же форма в оригинальном тексте, правда, позднего периода – в Продажной грамоте пани Хоньки Васковой на Калеников монастырь протодиякону Ивану Губке и его брату Ходору, 1378 г., изданной В. Розовым (Р № 13). Издатель не отметил этой формы в ‘Общем словаре’, завершающем публикацию грамот; нет соответствующей словарной статьи и в *Словаре староукраинского языка XIV–XV вв.* (ССУС I).

Вот фрагмент этой грамоты:

Во имѣ шѣа. и сѣна и стѣго дѣха. Аминь. бѣжью мѣтью. и добрыхъ людий прыязню исталасѣ торгуюла. межи добрыми людми. межи богары и межи крилошаны стѣго ивана. аже пани хонька. васковаѣ

дадьковича жена. изъ дѣтьми своѣми. ис пани просинѣю. и затемъ своѣмъ ис паномъ ивашкомъ данъславичемъ, и си внучаты своѣми. и со всѣмъ племенемъ своѣмъ доброю волею своєю и добрымъ оумышлѣнѣемъ своѣмъ. а никоторою силою но сама то вчинила. безо лѣсти и безъ хитрости. продала кѣсть тотъ мунастырь за ·к̄· гривенъ серебра вѣснаго. именемъ иванови губцѣ протодѣяконови стго ивана и кго брату ходорови. и дѣтемъ кхъ. а иванъ губѣка и своѣмъ братомъ купилъ кѣсть тотъ мунастырь. именемъ калениковъ. црѣвъ стго бци оуспѣнѣк причисток изъ блг(с)влѣнѣемъ пискупа ларивона. А купилъ кѣсть иванъ губѣка изъ братомъ своѣмъ. на вѣки и ко стму iw(н)у еп(с)пи к селу гнѣвновичи д(а)ли ·ѣ̄· гривенъ серебра вѣснаго. А губѣка далъ шюбу свою куничюю дорогимъ сукномъ брунатѣнымъ пошита. за ·ѣ̄· гривенъ. пани хвнѣци. и кще ва дали ·ѣ̄· лисици. пани хонѣци в кѣ затемъ ивашкови. и дѣтемъ кѣ...

Обращает на себя внимание отсутствие согласования в числе у сказуемого *дали* при подлежащем *иванъ губѣка изъ братомъ своѣмъ*, должно было бы быть *дала*. В следующем предложении подлежащее выражено формой местоимения *ва* (ИП мест. 2 л. дв. ч. 'они двое'). Но глагол также стоит во мн. ч. – *дали*, а не дв. ч. Однако это не должно нас смущать. Нарушение согласования в числе у глагола при двух субъектах (формы мн. ч. вм. дв. ч.) находим и в Галицко-Волынской летописи: под 1246 г. – *Дани [X – Данилови] же и Василко [X – Василкову] ехаша* (вм. *ехаста*) *во Пинескъ* (268об./797), под 1247а – *Данилъ же и Василко погнаша* (вм. *погнаста*) *на нѣ* (268об./798).

Текст грамоты написан от лица продающей монастырь Хоньки, и употребление в ней формы *ва* 'вы двое' по отношению к двум покупателям, Ивану и Ходору, при указании на дополнительную плату в 12 лисиц вполне оправданно. Иное прочтение *ва* (клитика ДП дв. ч., недописанная форма ДП полноударного *вама*) лишило бы предложение подлежащего, а весь текст – необходимой для юридического документа однозначности. Признание же в форме *ва* ИП мест. 2 л. дв. ч. при несогласованном с ней в числе глаголе делает смысл документа ясным и однозначно понимаемым.

Итак, в написанной в 1378 г. Продажной пани Хоньки на Калеников монастырь употреблена форма ИП мест. 2 л. дв. ч. *ва*.

По определению издателя (Розов 1928, 25), грамота написана в Перемышле, но основания для такого заключения им не приведены. Нет их и в последнем издании грамоты (Пещак 1978). Но языковые особенности текста: его лексика, морфология и орфография (опосредованно фонетика), в частности, у вм. *о* и *ю* вм. *е* в ударном слоге (*торгувлѣ*, *федутѣ*, *нестюрѣ*), *ѣ* вм. *е* в новом закры-

том слогe (*оумьшлѣнькъмь, блгѣвлѣнь, блгѣвлѣнькъмь*), ДП ед. ч. существительных муж. рода (*иванови, ходорови, протодѣаконови*) с несомненностью указывают на юго-западную зону восточного славянства, где формировался украинский язык.

Относящаяся к тому же ареалу, что и Продажная Хоньки Васковой 1378 г., Галицко-Волынская летопись конца XIII в., а также изданные А. М. Молдованом львовские грамоты XIV в. (см. Молдован 2000) не содержат в себе записей, где можно было бы ожидать употребления формы ИП местоимения 2 л. дв. ч.

Напомним, что форма ИП дв. ч. *ва* отмечена не только в старославянских памятниках, но и в польских и чешских средневековых рукописях. Но объяснять появление *ва* в рассматриваемой грамоте 1378 г. влиянием польской письменности было бы натяжкой. Галицкая и Перемышльская земли с 1340 г. подпадали под власть то польского короля, то венгерского, то литовского великого князя, а в 1387 г. окончательно отошли к Польше. Однако А. И. Соболевский отрицал культурное влияние поляков на жителей Волыни и Галичины в XIV и XV вв. Он писал: “у поляковъ XIV и XV столѣтій дѣловымъ языкомъ былъ исключительно латинскій, а родной языкъ только началъ показываться въ литературныхъ произведеніяхъ и всего чаще – въ переводахъ съ чешскаго... Къ тому же и древняя Русь, и южная ея половина въ особенности, въ теченіе четырехъ вѣковъ были подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Греціи... Между тѣмъ Польша находилась подъ воздѣйствиемъ восточной Германіи и Чехіи” (Соболевскій 1910, 8).

Присутствие ИП *ва* в грамоте 1378 г. позволяет по-иному посмотреть на ту же форму в Изб 1073 г. Ибо нельзя не заметить того, что оба памятника, отстоящие друг от друга хронологически, близки в территориальном отношении: они относятся к южному и юго-западному регионам восточного славянства.

Это дает основание полагать, что: 1) в обоих случаях – и в Изб 1073, и в Грамоте 1378 г. имеет место сохранение праславянской формы ИП **va*; 2) она продолжает употребляться в языке восточных славян на юге их расселения на всем протяжении древнерусского периода и является его диалектной особенностью.

2. О ФОРМАХ РОДИТЕЛЬНОГО-ВИНИТЕЛЬНОГО И ДАТЕЛЬНОГО-МЕСТНОГО МЕСТОИМЕНИЙ 2 ЛИЦА И ВОЗВРАТНОГО С ОСНОВАМИ *ТЕБ-*, *СЕБ-*

Формы ДП = МП *тебѣ, себѣ* в памятниках восточнославянской письменности рассматриваются как церковнославянизмы (ср. Шахматов

1957, 159; Дурново 1924, 258; Булаховский 1950, 117). М. А. Гадолина (1954, 64) считала, что собственные формы *тебѣ*, *себѣ* возникли сравнительно поздно, с конца XIV–начала XV в. Однако А. А. Шахматов в указанной работе допускал для русского языка и автохтонность форм с *e* в основе. Он писал: “...достаточных оснований для признания вообще во всех русских памятниках *тебѣ*, *себѣ* заимствованными из церковного языка мы не имеем... повидимому, многие русские говоры сохраняли общеслав. формы *тебѣ*, *себѣ*”.

Рассматриваемый ниже материал позволяет установить природу форм ДП = МП *тебѣ*, *себѣ* и укрепить представление о чужеродности этих форм для древнерусского языка на более прочном основании. Имеются в виду многочисленные написания с меной конечных букв *ѣ* и *e* в формах с основой *теб-*, *себ-*: ДП = МП *тебе*, *себе* (вм. *тебѣ*, *себѣ*) и РП = ВП *тебѣ*, *себѣ* (вм. *тебе*, *себе*) в памятниках переводных или оригинальных, но связанных с книжной традицией, использующих эти буквы этимологически правильно в иных случаях. К приведенным уже выше примерам добавим еще некоторые:

ДП = МП *тебе*: Изб 1073 – *въсѣмъ и самому же тебе* 13б, *егда же и тебе о сицихъ... как найдеть* 14б, *къ тебе речеть* 31г, *пависа тебе* 43г и др.; ЕВА 1092 – *къ тебе грядоу оче стѣи* 17, *что к тебе* 22, *что ксть нама ісе и тебе сне бжиш* 91об., *вьсь дългъ твои ѿ(т)поустихъ тебе* 40, *тебе глѹ въстани* 57 др. (и еще 17); Мин к. 1095 – *тебе припадаемъ* 1, *тебе оугажающимъ* 5а, *въпити къ тебе* 10, *тебе принесеть ... кровь свою* 25а, *тебе самому* 28б и др. (еще 28); Мин 1096 – *глѹща тебе* 16б, *къ тебе възываети съподоби* 16б, *тебе тѣло приимъшоу плътно* 33а, *тебе славоу въсылаемъ* 34б и др. | другой почерк: *приходѣщимъ къ тебе* 60а, *тебе тръсвѣтъльи въсиа свѣтъ* 84б, *къ тебе принѣката* 109б, *тебе дългъ приносѣще* 111а, *тебе ходатаиствова славоу низдреченьноюу* 115а; Мин 1097 – *къ тебе прибѣгающе* 5б, *къ тебе* 70б, *тебе тръвълнениа въздвиже* 77а, *тебе предлагаяю ... отроковицю* 127б, *тебе принесена бы(с)* 145б и др. (всего 10); ЕвМст к. XI – *повели ми прити къ тебе* 48г, *тебе дамъ власть сию всю* 70г, *что ксть намъ и тебе ісе назаранине* 71г (Л IV, 24), *тебе глаголю въстани* 76г (Л XII, 14), *отъпоущаютсѣ тебе грѣси* 77б (Л VII, 48), *побивата посланыа къ тебе* 88г (Л XIII, 34) и др. (еще 8); ПС к. XI – *соуцю тебе ѡи брате* 26; ЧН XII – *не прогнѣваисѣ на ... дързающа къ тебе* 73г, *къ тебе простираю и молюсѣ* 75а; УСт к. XII – *къ тебе ѡи* 271, *къ тебе* 277, *слава тебе* 259об. и др.; СбТр XII/XIII – *помоци тебе не могоу* 8, *предаю тебе дхъ мои* 8v, *къ тебе въпиюще* 81, *въздасть тебе павѣ*

100v, *исповѣдатисѧ тебе* 94; СкБГ – *къ тебе славоу въсылаѣмъ* 18a (СбУ XII/XIII); ЖФП – *къ тебе* 32в, 44в, 46a, *оуготованыи тебе вѣнъць* 27a (Сб XII/XIII).

ДП = МП *себе*: Изб 1073 – *сѧ члвча ꙗгоже оукрѣни себе* 16a, *сами къ себе* 18в, *къ себе разидошасѧ* 24б, *мжжъ въ троудѣхъ троужаютьсѧ себе* 36г и др.; ЕВА 1092 – *повели ми ити къ себе* 36об., *сътворите себе влагалище* 61, *вънимаите себе* 70, *вънемлѣте себе* 67, 74, 75об., *рекоша ко себе сами* 86об.; Мин ок. 1095 – *прѣстоль стѣ на земли себе преоуготовалъ* 50a, *моудрость бѣжиа себе създава ксть ... домъ* 134a, *себе сътворѧ мѣниа* 49a; Мин 1096 – *къ себе приведи* 114б; Мин 1097 – *цѣломоудрикъ братъ себе сътвори* 103б; ЕвМст к. XI – *идѣте ... и коупите себе* 67в, *сътворите себе дрѣгы* 91в, *иде ... приати себе ц(с)рствикъ* 93в, *раздѣлиша себе ризы моѧ* 159в; ПС к. XI – *извѣсти себе* 23, *како же себе недомышлѣхъ о семь* 49об.; ЧН XII – *кнѧзь постави мѧ себе чърпати* 71б; КЕ XII – *нѣ нѣчьто житиискоѣ себе примышляюще* 187a; УСт к. XII – *себе и другоу слоужити* 277об.; СбТр XII/XIII – *призываетъ ны къ себе* 2б, *самому себе* 140об., *да вѣроуют себе* 142об.; *самъ бо себе съвѣщаваютъ* 144.

РП = ВР *тебѣ*: ЕвО 1056–1057 – *не бысть миръ оу тебѣ* 47в; ЕВА 1092 – *не постыхомъ тебѣ*^{*2} 75; Мин ок. 1095 – *прѣже тебѣ* 76a, *ис тебѣ* 79б, 89a, 160a, 174a, 206a, 211, 232, *ω(m) тебѣ* 52б, 173б, *развѣ тебѣ бѧ не съвѣмъ* 131a; Мин 1096 – *ис тебѣ* 23б, 117a, *ω(m) тебѣ обрѣсти* 105б; Мин 1097 – *ѿ тебѣ* 74a, *ис тебѣ* 74a, 119б, 142б и др.; ПандА XI – *не вѣмъ тебѣ* 229об.*; ЕвЮ 1119–1128 – *у тебѣ* 162, *за тебѣ* 178*; СбТр XII/XIII – *не вѣмъ тебѣ* 96v; ЖитНиф 1215 – *отъ тебѣ* 131об.*; ЕвПант 1317 – *ищуть тебѣ* 67*.

РП = ВР *себѣ*: ЕвО 1056–1057 – *възъмѣте иго моѣ на себѣ* 244б; Мин ок. 1095 – *поцениѣмъ себѣ ... очистилъ кси* 75a; Мин 1096 – *искоусивъ поцениѣмъ себѣ* 75б, *раздрѣши негодованиѣ юже на насъ щитѣмъ вѣрнымъ [так!] себѣ нестере обложивъ* 107б; Мин 1097 – *оѣтилъ еси оупѣшьно бѣче себѣ* 77б; ЕвМст к. XI – *иже съмѣритъ себѣ възнесетьсѧ* 134в; ПС к. XI – *тогда поноудивъ себѣ оудръжавъсѧ ѿ слъзь ... ѣла ми* 53об., *не похвалими себѣ дрѣжимъ* 78об., *видѣ старьць себѣ ... обличаѣма диякономъ* 149об. и др.; КЕ XII – *сластѣмъ нечистымъ себѣ прѣдати* 187a.

О взаимной мене форм ДП = МН *тебѣ*, *себѣ* и ДП *тебе*, *себе* в памятниках письменности, различающих этимологические *ѣ* и *е*, писали А. И. Соболевский и Ф. П. Филин, А. А. Шахматов и Н. Н. Дурново. Но убедительного объяснения этот феномен не получил.

Соболевский полагал, что формы ДП = МП с конечным *-e* (*тебе, себе*) "...первоначально имѣли значеніе только местнаго пад. (ср. местн. ед. *небесе*), но очень рано получили значеніе также дат. пад." (Соболевский 1907, 158). В написаниях же РП с *ѣ тебѣ, себѣ* он увидел влияние именных форм, посчитав в них *-ѣ* взятым "изъ старыхъ именн. формъ женск. (в родѣ «душѣ»)» (Соболевский 1907, 186–187).

Из утверждений А. И. Соболевского вырисовывается маловероятная картина. А именно: *тебе, себе* были некогда формами РП, ДП и МП, семантический РП воспринял в какой-то период окончание *-ѣ* из парадигмы **ja*-основ. При таком объяснении возникают неразрешимые вопросы: откуда в таком случае появилось окончание *-ѣ* у форм ДП = МП и, главное, почему названные А. И. Соболевским процессы не затронули парадигмы местоимения 1-го лица. (Вопреки не подкрепленному примерами утверждению автора ни форма РП *мьнѣ* или *мънѣ*, ни ДП = МП *мене* в памятниках восточнославянской письменности не отмечены.)

Ф. П. Филин "подправил" выводы А. И. Соболевского, посчитав, что "скорее всего *мьнѣ* (! – Т. С.), *тебѣ, себѣ* являются результатом воздействия на формы РП = ВП форм ДП = МП" (Филин 1972, 424).

Фонетическую природу появления *-e* в ДП = МП *тебе, себе* предположил А. А. Шахматов. Он считал, что формы ДП = МП *тебѣ, себѣ* "принадлежали не живому народному языку, а заимствованы из церковнославянского, причем написания с «е» передают церковное произношение, в котором, как мы знаем, *ѣ* в устах русских людей отождествилось с *e*; ср. в тех же памятниках написания с «е» в церковнославянских словах, как *среда, вредѣ, время* и т. п.". И далее продолжал, что "достаточных оснований для признания современных *тебе, себе* заимствованными из церковного языка мы не имеем; повидимому, многие русские народные говоры сохраняли общеславянские формы *тебѣ, себѣ*" (Шахматов 1957, 159). То есть, с одной стороны, он считает современные формы ДП = МП *тебе* (<*тебѣ*), *себе* (<*себѣ*) заимствованиями, с другой, не исключает автохтонности этих праславянских форм в памятниках письменности восточных славян и в русских народных говорах.

К мнению А. А. Шахматова присоединился Н. Н. Дурново, отметивший многочисленность примеров ДП = МП *тебе, себе* в Архангельском евангелии (Дурново 1924, 258).

А. А. Шахматов впервые заявил о чужеродности в русском языке форм ДП = МП с основами *теб-*, *себ-*. Но с его фонетическим объяснением конечного *-e* в них трудно согласиться. Ибо при заимст-

вовании из языка с иными звуковыми возможностями (иные звуки или их сочетания) адаптации подвергаются, как правило, звук или сочетание звуков в основе слова, флексия же такого давления не испытывает и оформляется в соответствии с узусом усваивающего языка.

Мена форм ДП = МП и РП (РП = ВП) наблюдается в памятниках переводных, восходящих к старославянским переводам, или оригинальных, но написанных в традициях старославянской письменности.

Самого пристального внимания заслуживает, во-первых, то, что мена указанных местоименных форм не чужда и самим старославянским памятникам, т. е. текстам, для которых проблемы заимствования форм ДП = МП с основами *теб-*, *себ-* не может быть в принципе, так как только эти словоформы были там единственно возможными; во-вторых, то, что в старославянских памятниках в отличие от древнерусских имеются примеры с меной форм ДП и РП и у местоимения 1 лица. Все это наводит на мысль, что причиной взаимной мены таких словоформ могут быть особенности предложно-падежных отношений в греческом и славянском языках.

Сопоставление, например, старославянского Ассеманиева евангелия XI в. с греческим текстом может помочь раскрыть механизм таких замен.

Так, в славянском тексте при предложном сочетании *въ слѣдѣ* с глаголом движения местоимение стоит в РП *мене*, *тебе* в соответствии с греческими формами Gen. μου или Dat. μοι, σοι, совпадающими семантически при обозначении принадлежности. Например:

Мт 10, 38: *и ѿже не прииметь крѣста своего и въ слѣдѣ мене грядеть нѣсть мене достоинъ* – л. 34b (καὶ ὅς οὐ λαμβάνει τὸν σταυρὸν αὐτοῦ καὶ ἀκολουθεῖ ὀπίσω μου, οὐκ ἔστι μου ἄξιος³) – Gen. при предлоге;

Мт 19, 21: *... И прѣди въ слѣдѣ мене* – л. 45a (καὶ δεῦρο ἀκολουθεῖ μοι – μοι при глаголе, управляющем ДП);

Мт 19, 27: *Ѡвѣщавъ же петръ рече емоу. ꙗко се мы оставихомъ всѣ и въ слѣдѣ тебе идом. что оубо бждеть намъ* – л. 34c (Τότε ἀποκριθεὶς ὁ Πέτρος εἶπεν αὐτῷ ἰδοὺ ἡμεῖς ἀφήκαμεν πάντα καὶ ἠκολουθήσαμεν σοι. τί ἄρα ἔσται ἡμῖν);

Иное соотношение форм в тексте И 19, 17: *И носѣ себѣ крѣсть изиде. въ нарицаемое краниево мѣсто* (καὶ βαστάζων τὸν σταυρὸν αὐτοῦ ἐξῆλθεν εἰς τὸν λεγόμενον κρανίον τόπον).

Здесь в соответствии с греческим Gen. принадлежности в славянском употреблена словоформа ДП *себѣ*, очевидно, с тем же значением.

Наличие у славянских ДП и РП и у греческих Dat. и Gen. значения принадлежности могло вопреки логике и грамматике славянского текста вызвать взаимную мену форм ДП и РП в случаях, не связанных с обозначением принадлежности, как это и произошло, например, в тексте:

Мт 10, 37–38: *Рече љъ любѣи оца и мѣрь паче мене нѣсть мѣньѣ до-стоинѣ. ѡже любитѣ сѣна и дѣщерь паче ме(н) нѣсть мене до-стоинѣ* – л. 39c–d (ὁ φιλῶν πατέρα ἢ μητέρα ὑπὲρ ἐμὲ οὐκ ἔστιν μου ἄξιος, καὶ ὁ φιλῶν υἱὸν ἢ θυγατέρα ὑπὲρ ἐμὲ οὐκ ἔστιν μου ἄξιος), где в соответствии с одним и тем же словосочетанием οὐκ ἔστιν μου ἄξιος употреблены две разные падежные формы – ДП *мѣньѣ* и РП *мене*.

Или употребление формы РП *тебе* вместо ДП *тебѣ* в тексте:

Мт 16, 17: *и ѡвѣшитавь ѡсь рече емоу. Блаженѣ еси симоне. кариона. ѣко плѣть и крѣвь не ѡви тебе. нѣ оцѣ мои еже есть на нѣсехѣ* – 150a (καὶ ἀποκριθεὶς ὁ Ἰησοῦς εἶπεν αὐτῷ μακάριος εἶ, Σίμων Βαριωνά, ὅτι σάρξ καὶ αἷμα οὐκ ἀλεκάλυψεν σοὶ ἀλλ' ὁ πατήρ μου ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς).

На таком фоне легко объясняется и появление формы ДП *тебѣ* вместо обычной при глаголе с отрицанием формы РП *тебе* в тексте:

И 13, 8: *Гѣла емоу петръ не омыеши моею ногоу въ вѣкъ. ѡтѣвѣшита емоу ѡсь. аще не оумѣиѣ тебѣ. не имаши часті сѣ мьноѣ* – л. 88b (λέγει αὐτῷ ὁ Πέτρος: οὐ μὴ νύψω τοὺς πόδας μου εἰς τὸν αἰῶνα. ἀλεκρίθη αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς: ἐὰν μὴ νύψω σε, οὐκ ἔχεις μέρος μετ' ἐμοῦ). Если, конечно, не произошло переосмысление, и *тебѣ* не было воспринято как Д-принадлежности при опущенной словоформе *ногоу*.

Более показателен текст:

Мт 11, 29: *Възмѣте иго мое на себѣ. и наоучитеса ѡ мене* – 128b (ἄρατε τὸν ζυγόν μου ἐφ' ὑμᾶς καὶ μάθετε ἀπ' ἐμοῦ). Здесь форма *себѣ* употреблена вместо *са* (или *себе*) в соответствии с греч. Ass. Замене падежной формы в славянском способствовало то, что пространственные предлоги *ѣлі* в греческом и славянский *на* являются предлогами двойного подчинения: *ѣлі* с Ass и *на* с ВП обозначает пространство, куда направлено действие ('на что'), а с Dat., как и славянский *на* с МП, означает пространство, где происходит что-либо ('на чем').

Того же типа и пример из Минеи 1097 г.: *на тебѣ, непорочнаѣ, сѣсениѣ моѣго оуготованиѣ положихѣ* – л. 161б.

Итак, сопоставление материала Ассеманиева евангелия с соответствующими греческими текстами со всей очевидностью показывает, что имеющаяся в старославянских текстах мена словоформ ДП и РП, МП и ВП личных и возвратного местоимений была обусловлена семантической близостью этих падежей в славянском и греческом

языках, а именно тем, что значение принадлежности могло выражаться как РП (Gen.), так и ДП (Dat.), хотя каждый из них сам по себе имел еще иные, присущие только ему значения, а греческий предлог *ἐλί* с Ass и славянский *на* (ВП) обозначали пространство, куда направлено действие, а с Dat. (ДП) – пространство, где что-либо происходит.

Естественно, что имеющаяся в старославянских текстах указанная мена местоименных словоформ отразилась и в древнерусских списках. Но, и это важно подчеркнуть, в восточнославянских списках замене подвергались лишь словоформы ДП = МП местоимения 2 л. и возвратного с основами *теб-*, *себ-*. Имевшиеся в восточнославянских памятниках формы с основой *тоб-*, *соб-* сохраняли свои обычные окончания. Например, Изб 1073: *обрѣтошасѧ въ тобѣ* 163г, *все о собѣ* 224в, *въ собѣ различьствоуѧ* 23в, *въ собѣ не състоитьсѧ* 235г и др.; Мин 1096: *въ собѣ бѣсѧсѧ безоумьныи мѣтль ... повелѣваетъ оуморити мечьмь васъ* 44б.

Местоимение 1 лица, имевшее основу *мѣн-* в ДП = МП, отличную от основы РП = ВП *мен-*, сохранило в восточнославянских списках обычное для этих падежей окончание *-ѣ*.

Все это свидетельствует об особой уязвимости форм *тебѣ*, *себѣ*, которая могла объясняться только их чужеродностью в языке. Пришедшие со старославянской письменностью, они стали в книжно-письменном языке восточных славян грамматическими вариантами народно-разговорных словоформ *тобѣ*, *собѣ*, сохранявших в народном языке прочные грамматические позиции.

Грамматическая устойчивость собственных словоформ *тобѣ*, *собѣ* обусловила шаткость грамматических позиций, заимствованных вариантов и сделала именно их уязвимыми и податливыми на провокации со стороны словоформ РП.

Итак, сказанное выше можно заключить следующими выводами: 1) в основе взаимной мены словоформ ДП = МП с основами *теб-*, *себ-* и РП лежат особенности падежных отношений в древних языках, проявившиеся при переводе с греческого на славянский; 2) предположение о чужеродности формы ДП = МП *теб-*, *себ-* в языке восточных славян обретает прочное основание, и тем самым лишается какой бы то ни было опоры предположение А. А. Шахматова о сохранении праславянских *тебѣ*, *себѣ* в русских народных говорах, а предположение М. А. Гадолиной об их позднем происхождении получает дополнительное подтверждение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 00-04-313а.
- ² Звездочкой помечены приведенные А. И. Соболевским примеры (Соболевский 1907, 187).
- ³ Греческий текст цитируется по изданию: Ἡ καινὴ διαθήκη. Μετὰ συντόμου Ἐρμηνείας. Ὑπό πав. Ν. Τρεμπέλα, 1991. Αθήναι-Νοεμβρίος.

ЛИТЕРАТУРА

- Булаховский, Л. А.: 1950, *Исторический комментарий к русскому литературному языку*, Киев.
- Вайан, А.: 1952, *Руководство по старославянскому языку*, Москва.
- Галицко-Волынская летопись: *Полное собрание русских летописей*, т. II, 1952, Москва.
- Дурново, Н. Н.: 1924, *Очерк истории русского языка*, Москва–Ленинград.
- ЕвА 1092: *Архангельское Евангелие 1092 г. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели*. Подготовили Жуковская, Л. П. и Миронова, Т. Л., 1997, Москва.
- ЕвМст. к. XI; Евангелие Мстиславова: *Апракос Мстислава Великого*. Подготовили Жуковская, Л. П., Владимировна, Л. В., Панкратова, Н. П., 1983, Москва.
- ЕвО 1056–1057: *Остромирово Евангелие 1056*. Изд. А. Востоков, 1845, Санкт-петербургъ.
- Жолобов, О. Ф.: 2002, *История двойственного числа в русском языке*, Казань.
- Жолобов, О. Ф., Крысько, В. Б.: 2001, 'Двойственное число именного склонения'. *Историческая грамматика древнерусского языка II*, Москва.
- Зализняк, А. А.: 1995, *Древненовгородский диалект*, Москва.
- Изб 1073: *Симеонов сборник (по Светославовия прение от 1073 г.)*, т. 1–2, 1991–1993, София.
- Исторія української мови. Морфологія*, Київ, 1978.
- Мин 1095, Мин 1096, Мин 1097: *Служебные минеи за сентябрь, октябрь, ноябрь*: И. В. Ягич; *Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095–1097 гг.*, 1880, Санктпетербургъ.
- Молдован, А. М.: 2000, 'Пять новонайденных украинских грамот конца XIV–начала XV в.', *Лингвистическое источниковедение*, Москва, 261–276.
- Пещак, М. М.: 1978, *Українські грамоти XIV ст.*, Київ.
- Розов, В.: 1928, *Українські грамоти*, т. I, Київ.
- Соболевский, А. И.: 1907, *Лекции по истории русского языка*. Издание IV, Москва.
- Соболевский, А. И.: 1910, *Холмская Русь въ этнографическомъ отношеніи*, Харьковъ.
- ССУС I: *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.*, т. I, 1977, Київ.
- Филин, Ф. П.: 1972, *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*, Москва.
- Шахматов, А. А.: 1957, *Историческая морфология русского языка*, Москва.
- Aitzetmüller, R.: 1978, *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft*, Freiburg.
- Ass XI, *Evangelium Assemani. Codex Vaticanus. 3. Slavicus glagoliticus. Tomus II. Vydal Josef Kurz*, 1955, Praha.

Институт русского языка
РАН, Москва
 irlras@mail.ru